

Глава 3. Ритуал

Два дня спустя наступил день, когда Тан Лофань должен был официально войти в корпорацию Тандин и возглавить проект застройки «Северный город номер один».

Ранним утром он распахнул гардероб и достал молочно-белый костюм — свой сегодняшний парадный наряд. Безупречное качество ткани, индивидуальный пошив, выверенный до миллиметра крой, тончайшие ручные швы — каждая линия, каждая драгоценная пуговица безмолвно кричали о благородной роскоши и изысканном вкусе.

Тан Лофань встал перед зеркалом во весь рост и неторопливо облачился в этот сшитый на заказ шедевр.

Раздался тихий, деликатный стук.

Из-за двери донесся мягкий голос дворецкого, дяди Чжао:

— Третий молодой господин, вы готовы? Если не выехать сейчас, мы рискуем опоздать на совет директоров.

— Уже иду, — отозвался Тан Лофань.

Он в последний раз окинул себя взглядом в зеркале и направился к выходу.

Дядя Чжао, как всегда предупредительный, ценил каждую секунду времени своего молодого хозяина, а потому уже ждал его у дверей вместе со слугами, водителем и помощниками.

Дверь распахнулась, и перед ними предстал юноша в безукоризненно сидящем светлом костюме.

Высокий и стройный, с тонкими, безупречно очерченными чертами лица, аккуратными, чуть вьющимися короткими волосами, волевым подбородком и чистым, пронизательным взглядом — он казался внезапным лучом солнца, ворвавшимся в полумрак коридора. Все присутствующие невольно затаили дыхание.

На лицах слуг отразилось искреннее изумление, смешанное с восхищением.

Дядя Чжао с теплой, отеческой улыбкой почтительно протянул ему портфель с важными документами:

— Вы великолепны, третий молодой господин. Уверен, сегодня все сотрудники корпорации

Тандин будут гордиться вашим приходом.

— Неужели? — Лофань приподнял бровь и усмехнулся. — Я бы не загадывал.

Штаб-квартира корпорации Тандин

С самого утра жизнь в главном офисе Тандин шла своим чередом: сотрудники были поглощены привычной рутинной. Однако в воздухе витало едва уловимое, непривычное оживление.

У стойки регистрации, в кофейных зонах на этажах и в рабочих кабинетах люди при первой же возможности принимались шушукаться:

— Слышали? Третий молодой господин сегодня официально вступает в должность. Говорят, ему отдают проект застройки «Северный город номер один».

— Разве этим проектом не занимался вице-президент, старший молодой господин? С чего вдруг его передали третьему? Уступил брату или?..

— Старший и второй молодые господа так долго вели негласную войну за власть, а теперь на сцене появился третий. Похоже, грызня в семействе Тан станет еще увлекательнее.

Тут кто-то вклинился в разговор:

— На ресепшене сказали, что третий молодой господин только что вошел в здание! И боже, он невероятный красавец!

— Да ладно? Красивее второго господина? Фото есть?

— Ты с ума сошел? Его окружили телохранители и помощники, кто бы посмел его исподтишка щелкнуть?

— Эх, как же хочется на него взглянуть!

Тем временем члены совета директоров и топ-менеджеры один за другим заполняли просторный конференц-зал, занимая места за огромным круглым столом.

Помощник провел Тан Лофаня к его креслу, перед которым стояла табличка с именем. Рядом с ним сидел его второй брат, Тан Цзюньэр.

В зале царила подчеркнуто торжественная и строгая атмосфера.

Оказавшись под прицелом десятков чужих, суровых взглядов, Тан Лофань сохранял абсолютное хладнокровие. Его лицо оставалось невозмутимым, а во взоре читалась вежливая, но холодная отстраненность. Он сдержанно кивнул собравшимся и плавно опустился на стул по правую руку от брата.

Тан Цзюньэр скосил на него глаза и, слегка наклонившись, шепнул на ухо:

— Будь начеку. Все, кто сидит за этим столом, — те еще твари.

Произнося это, он продолжал благожелательно улыбаться, сохраняя безупречную мину благовоспитанного молодого человека из высшего общества.

Тан Лофань промолчал.

Он ответил брату такой же дружелюбной улыбкой и, склонив голову к его плечу, тихо спросил:

— Неужели все так страшно?

Улыбка Тан Цзюньэра стала еще шире:

— Не дрейфь. Со временем я тебя всему научу.

С этими словами он выпрямился и покровительственно похлопал Лофаня по плечу.

Со стороны могло показаться, что братья ведут исключительно теплую и доверительную беседу — прямо-таки образец родственной любви и согласия.

Многие из присутствующих, заметив это, вновь обменялись многозначительными взглядами.

Заседание тянулось невыносимо скучно.

Сначала их отец, председатель Тан Цюфу, зачитал приветственное слово. Затем его старший брат, вице-президент Тан Чэньи, выступил с докладом о текущих делах компании, после чего потянулась череда бесконечных отчетов и планов от руководителей различных департаментов.

Тан Лофань уныло перелистывал пухлые папки с отчетами, пестревшими сухими цифрами, графиками и таблицами. От этого бумажного хаоса у него начала раскалываться голова.

"И что это за бред? Как оригинальный герой романа умудрялся терпеть эту унылую рутину? И с какой стати он вообще решил, что сможет потянуть управление столь масштабным проектом?"

В этот момент с трибуны раздался холодный, властный голос старшего брата:

— Решением совета директоров руководство проектом застройки «Северный город номер один» передается Тан Лофаню. С сегодняшнего дня он официально назначается руководителем проекта...

Зал взорвался вежливыми, хотя и довольно нестройными аплодисментами.

Под этот шумок Тан Лофань поднялся со своего места. Спокойно обведя взглядом суровые лица директоров, он заговорил без тени волнения:

— Прежде всего, я хочу выразить глубокую признательность совету директоров за оказанное мне доверие. Для меня огромная честь принять руководство столь значимым проектом.

Он сделал небольшую паузу, позволяя словам осесть, а затем продолжил:

— Однако, объективно оценивая свои силы, я понимаю, что мне пока не хватает опыта для единоличного управления столь масштабной задачей. Поэтому я рассчитываю на поддержку и содействие со стороны старшего брата... точнее, вице-президента Тан Чэньи.

Сделав глубокий вдох, Лофань ровным, чистым и отчетливым голосом произнес:

— Иными словами, номинально возглавлять проект буду я, однако право принимать все ключевые решения я в полном объеме делегирую вице-президенту Тан Чэньи.

Эту речь он заготовил еще прошлым вечером.

В столь официальной обстановке нельзя было бросаться словами на ветер. Заявив перед всем советом директоров и топ-менеджментом Тандин о передаче всех полномочий старшему брату, он отрезал себе пути к отступлению — забрать это обещание назад будет практически невозможно.

Отец велел ему учиться у старшего брата, но не уточнил рамки ответственности. Тан Лофань просто воспользовался этой лазейкой.

Но последствия его демарша были вполне предсказуемы.

Стоило ему закончить, как чопорная тишина конференц-зала мгновенно взорвалась шквалом изумленных возгласов и перешептываний.

Старший брат, Тан Чэньи, сидевший во главе стола с каменным лицом, резко вскинул голову. На его обычно бесстрастном лице проступило редкое замешательство.

Рядом с Лофанем мгновенно стерлась фальшивая улыбка со второго брата: Тан Цзюньэр опустил глаза, бросив на него потяжелевший, полный мрачной злобы взгляд.

Тан Цюфу нахмурился, вглядываясь в лицо младшего сына.

"Что этот паршивец задумал? Неужели он настолько не хочет заниматься семейным делом, что пошел на публичный отказ от власти в пользу старшего? Или просто решил уклониться от борьбы с братьями?"

В любом случае, слово не воробей. Сказанного при свидетелях уже не вернуть.

Подавив раздражение и недоумение, Тан Цюфу жестом призвал собрание к тишине.

Ему ничего не оставалось, кроме как подыграть сыну и сгладить неловкость:

— Что ж, это решение мы приняли совместно. У Лофана пока нет опыта реальной работы, и на первых порах ошибки неизбежны. Поэтому вице-президент Чэньи временно станет его куратором и будет вести проект вместе с ним. Надеюсь, ни у кого нет возражений?

Разумеется, перечить председателю никто не посмел.

В зале вновь зашуршали вежливые аплодисменты, вот только теперь взгляды присутствующих так и металась между тремя братьями в предвкушении грядущей семейной драмы.

Вдруг Тан Лофань вздрогнул от резкой боли: кто-то с силой пнул его под столом по голени.

Жесткий носок дорогой туфли угодил прямоком в кость, прикрытую лишь тонкой тканью брюк.

Он возмущенно уставился на второго брата: "Ты какого хрена дерешься?!"

Тан Цзюньэр даже не повернул головы. Лишь его потемневшие глаза сверкнули из-под полуопущенных век ледяной яростью. Похоже, он был вне себя от злости.

Тан Лофань растерялся: "Да что я тебе-то сделал?"

Поскольку до официального запуска проекта оставалось еще некоторое время, а все формальности по вступлению в должность были улажены, Лофаню больше нечего было делать в офисе.

Отец и старшие братья мгновенно скрылись в своих кабинетах, поглощенные нескончаемыми делами, так что юноша преспокойно сел в машину и уехал.

Поместье семьи Тан поражало своими масштабами.

Помимо огромного главного особняка, на ухоженной территории раскинулись тенистый сад с небольшим прудом и просторные, идеально подстриженные газоны. На краю лужайки ютились вспомогательные постройки: оранжерея, домик для садового инвентаря и небольшая хозпостройка.

Вернувшись домой, Тан Лофань сразу направился к этому неприметному строению на заднем дворе. Благодаря регулярной уборке внутри было довольно чисто и опрятно.

Покопавшись в старом шкафу, он извлек на свет покрытый тонким слоем пыли мольберт, рулон негрунтованного холста, изрядно потрепанный пенал с кистями и несколько коробок с масляными красками.

Бережно стерев пыль, Лофань привычным движением установил мольберт у окна, натянул холст, нанес слой грунтовки и принялся смешивать краски. Когда все приготовления были закончены, он взял широкую кисть и сделал первый набросок.

Он всегда любил рисовать.

Вот только в семье Тан подобные увлечения не поощрялись. С самых ранних лет ему вдалбливали в голову одну-единственную цель: поступить в элитную среднюю школу, затем в престижную старшую, а после — отправиться за границу, чтобы изучать бизнес в ведущем мировом университете.

В глазах отца живопись была не более чем пустой тратой времени.

Более того, именно страсть матери к искусству когда-то послужила детонатором для их развода.

За окном медленно догорал закат.

На некогда девственно-белом холсте проступали очертания усадебного сада: изумрудная зелень травы, приземистые кусты китайской яблони, пышные шапки цветущих роз и высокая кирпичная стена на заднем плане.

Предвечернее солнце отбрасывало на лужайку длинные, причудливые тени от деревьев, ограды и особняка. Однако, сколько бы Лофань ни пытался, ему никак не удавалось уловить эту тонкую игру света и тени.

Он раз за разом перекрывал слои краски, подбирая новые оттенки. Мазки ложились неровно, брызги летели во все стороны, пачкая его безупречный молочно-белый костюм ручной работы. Дорогая ткань покрылась разноцветными масляными пятнами.

Но ему было плевать. С досадой нахмурившись, он отбросил кисть в сторону.

Его навыки живописи словно застыли во времени — замерли в тот самый день, когда мать навсегда покинула этот дом.

— Мама... — едва слышно прошептал Тан Лофань, глядя на залитый багрянцем сад.

В его красивых темных глазах промелькнула глубокая, застарелая тоска.

Дверь тихонько скрипнула. Вошел дядя Чжао с подносом в руках.

— Третий молодой господин, выпьете чаю, отдохните немного, — мягко проговорил он.

Лофань быстро взял себя в руки и спросил:

— Как ты узнал, что я здесь?

Дворецкий лишь тепло улыбнулся в ответ, с нескрываемой нежностью глядя на своего юного хозяина.

Тан Лофань невольно улыбнулся в ответ и взял с подноса чашку. Напиток оказался идеальной температуры — не слишком горячим, не слишком остывшим. Насыщенный аромат черного чая с легкой терпкостью приятно согревал изнутри, проясняя мысли.

Сделав глоток, Лофань с облегчением выдохнул:

— Все-таки никто не понимает меня лучше тебя, дядя Чжао.

— Тяжелый выдался день, верно? — негромко спросил старик.

— Не то слово, — Лофань развернулся на стуле и, навалившись грудью на спинку, капризно надул губы. — Раньше я думал, что после выпуска сразу пойду работать в корпорацию, но сейчас понимаю, что вся эта суета мне глубоко противна. Но отец...

— Господин Тан желает вам только добра, — мягко возразил дядя Чжао.

Вспомнив, какой трагический финал уготован его персонажу в романе, Тан Лофань лишь покачал головой:

— Я не такой хваткий, как старший брат, и далеко не такой умный, как второй. Пусть они забирают компанию себе. Все, чего я хочу — это спокойно жить в свое удовольствие, оставаясь бездельником-младшим сыном.

Он помолчал секунду и добавил с ленивой усмешкой:

— К тому же, впереди меня ждет брак по расчету с семьей Хэ. А их империя, между прочим, куда больше нашей.

Его голос звучал расслабленно, в нем сквозила легкая самоирония.

Рука дяди Чжао, наливавшего чай, на мгновение замерла. Он удивленно взглянул на юношу.

На бледном, красивом лице Лофаня играла мягкая, искренняя улыбка, делавшая его черты необычайно нежными и притягательными.

Спрятав мимолетное изумление, дворецкий вернулся к прерванному занятию и негромко заметил:

— Судя по вашим словам, молодой господин, вы смирились с этим браком?

— Вполне, — Лофань весело подмигнул старику. — Дядя Чжао, а когда я перееду к Хэ Хуаю, ты поедешь со мной? Будешь там заправлять хозяйством.

— Ну что вы, молодой господин, — покачал головой старик. — На это нужно разрешение вашего отца.

В этот момент телефон Тан Лофаня коротко завибрировал. Пришли два сообщения от второго брата:

«Отец велел мне отвезти тебя на встречу с Хэ Хуаем. Выезжаем в семь».

«Живо приводи себя в порядок, я уже еду за тобой».

Хэ Хуай?

В разленившемся сознании Лофаня мгновенно всплыл единственный факт: Хэ Хуай — его жених, человек, с которым ему предстоит связать судьбу.

Он поспешно вскочил на ноги. Заметив на рукавах и полах пиджака яркие пятна масляной краски, он, не задумываясь, стянул его и бросил дворецкому.

Приняв испачканную вещь, дядя Чжао спросил:

— Молодой господин, отдать его в химчистку?

— Не нужно, просто выбрось, — бросил Лофань, уже выходя из хозпостройки.

Выбросить...

Дворецкий бережно держал в руках роскошный пиджак, рассеянно проводя пальцами по тончайшей шерсти и дорогим пуговицам.

Добежав до своей спальни, Тан Лофань развил бешеную деятельность: душ, умывание, чистка зубов, сушка волос, легкий уход за кожей и укладка воском. Убедившись, что выглядит безупречно, он заглянул в гардеробную и среди бесконечных рядов вешалок выбрал элегантный повседневный костюм свободного кроя.

Спустя добрых полчаса он придирчиво оглядел свое отражение.

"Хэ Хуаю ведь понравится этот образ?"

В этот момент во дворе как раз послышался гудок автомобиля — второй брат вернулся.

Подхватив легкое пальто, Тан Лофань выбежал на улицу и запрыгнул в салон.

Тан Цзюньэр вел машину с каменным лицом, упорно игнорируя брата. Его единственной заботой было доставить ценный груз в назначенный ресторан.

Лофань же, совершенно забыв про утреннюю стычку под столом, засыпал его вопросами с заднего сиденья:

— Директор Тан, а какой он, этот Хэ Хуай? Ты с ним встречался раньше? Как он выглядит? У нас есть совместные проекты с его компанией?

— Тебя что, в поисковиках забанили? — огрызнулся Тан Цзюньэр, не скрывая раздражения. — В сети полно новостей о семействе Хэ.

"Точно".

Хэ Хуай занимал пост генерального директора одной из дочерних компаний Корпорации семьи Хэ, так что его снимки наверняка красовались на официальном сайте.

Лофань поспешно вытащил смартфон и вбил в поисковую строку заветное имя.

Но стоило ему нажать кнопку поиска, как машина резко клюнула носом. Раздался визг тормозов, и Лофань по инерции полетел вперед, сильно приложившись лбом о спинку переднего сиденья.

— Идиот, кто так перестраивается! — в сердцах выругался Тан Цзюньэр и обернулся назад: — Эй, ты цел?

— Угу... — Лофань потер ушибленный лоб, в голове неприятно гудело.

Однако этот легкий удар подействовал на него отрезвляюще. Воспоминания о его истинном положении и сюжете романа хлынули в сознание бурным потоком, заставив его содрогнуться.

"Да что со мной такое?! Я действительно битый час прихорашивался перед зеркалом только ради того, чтобы понравиться Хэ Хуаю? И всерьез предвкушал нашу встречу?!"

<http://bllate.org/book/20617/2106395>